

УДК 159.93

МОДАЛЬНОСТИ ЧУВСТВЕННОСТИ, КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД ПАМЯТИ**Папченко Е.В.***ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, e-mail: evpapchenko@sfsedu.ru*

Проведен анализ модальностей чувственности, как культурного кода памяти. Такие модальности чувственности, как звук и запах, не только обладают способностью глубоко и всеобъемлюще влиять на поведение и настроение человека, но и могут пониматься как носитель информации об эпохе или культуре. Так, звуковой ландшафт позволяет сохранить как природные звуки, так и звуки механического и электроакустического происхождения, либо звуки, утратившие свою актуальность и не используемые или малоиспользуемые в современной культуре, что позволяет репрезентировать культурно-историческую эпоху. Обоняние же больше чем какое-либо другое чувство, влияет на способности человека восстанавливать в памяти события и переживания прошлого: обонятельный пейзаж детства, запах Родины, запах счастья. Таким образом, модальности чувственности являются своеобразным культурным кодом памяти.

Ключевые слова: модальность, чувственность, звук, звуковой ландшафт, запах, культурный код, память

MODALITY SENSUALITY AS CULTURAL MEMORY CODE**Papchenko E.V.***Southern Federal University, Rostov-on-Don, e-mail: evpapchenko@sfsedu.ru*

The analyzed modality sensuality as cultural memory code is given. Sound and smell as modality sensuality can influence the behavior and mood but it can be understood as a carrier of information about the era or culture. For example, soundscape allows saving nature sounds, mechanical and electroacoustic sounds. It also allows saving unused sounds in modern culture. It helps to represent cultural-historical epoch. As for smelling, it affects a person's ability. It helps people to retrieve some past events and experiences of the past, such as olfactory landscape of the childhood, the smell of the motherland and happiness. Therefore, modality sensuality is singular cultural memory code.

Ключевые слова: modality, sensitivity, sound, soundscape, smell, cultural code, memory

Рассмотрение таких видов чувственного взаимодействия человека с миром, как слух и обоняние и соответствующих им модальностей чувственности – звука и запаха, показывает их аксиологическую значимость в жизни человека. Так, несмотря на то, что большая часть поступающей из внешнего мира информации воспринимается человеком посредством зрения, глухота крайне тяжело сказывается на социальном положении человека. Кроме того, в ряде культур наблюдается преобладание звуковых, в том числе музыкальных и вокальных способов передачи информации, по сравнению со зрительными, и как результат характерны вытеснение и замена символов оптического кода акустическими [1, с. 8 – 9]. Хотя человек и не осознаёт в полной мере значение запаха, тем не менее, обонятельные ощущения воздействуют на человека на физическом, психологическом и социальном уровнях. Только тогда, когда мы по каким-либо причинам теряем обонятельную способность, понимаем насколько важным является восприятие запахов для психологического комфорта. Данную ситуацию блестяще описал О. Сакс: «Когда я потерял [восприимчивость к запахам], я будто ослеп. Изрядная часть вкуса к жизни ушла вместе с обонянием. Мы даже не представляем себе,

насколько этот самый «вкус» состоит из запахов. ... они составляют исключительно важный бессознательный фон, на котором разворачивается вся жизнь. Весь мой мир неожиданно потерял львиную долю прежнего богатства» [2, с. 159].

Таким образом, огромный потенциал рассматриваемых модальностей чувственности, послужил тому, что немало современных исследований, посвящено изучению звука и запаха. В частности вызывают интерес исследования звука и запаха, как культурного кода. Удачное, в том числе для целей данной работы определение культурного кода дал У. Эко: «Код – это модель, являющаяся рядом условных упрощений, производимых ради того, чтобы обеспечить возможность передачи тех или иных сообщений [3, с. 83]».

Следует указать на то, что уже в древних языческих системах возникла система кодификации трансцендентных запахов: греческие божества источали запах ладан, мирры, в христианстве благоухают иконы, что является результатом ольфакторного восприятия божественного мира человеком. Аналогично воспринимается «присутствие» дьявола, которое сопровождается запахами гниения и разложения. Таким образом, в сознании человека запах является

культурным кодом, сопровождающим как мир человека, так и трансцендентный мир [4, с. 25]. В этой связи С.Н. Иконникова справедливо отмечает, что запах представляет собой предельно эластичную культурную модель [5, с. 392 – 393]. Дешифровка запаха, как правило, регулируется культурными установками. Запах обладает уникальной возможностью структурировать события, эмоциональные переживания прошлого, является культурным кодом.

Обоняние больше чем какое-либо другое чувство, влияет на способности человека восстанавливать в памяти события и переживания прошлого. По данным исследования, проведённого Н.В. Заворохиной и О.В. Чугуновой, максимальное количество приятных ассоциаций вызывают запахи, во-первых, ассоциируемые с ребёнком (запах молока, поглаженных распашонок, детского шампуня и т.п.); во-вторых, связанные с детством (малиновое варенье, запах мела, бабушка, выпечка, запах скошенной травы, детство часто ассоциируется с летом); в-третьих, связанные с домом, уютом и мамой (кофе, жареная картошка, сдоба, корица); в-четвёртых, ассоциируемые с погодными проявлениями (листопад – осень, запах мокрой пыли – летняя гроза, запах талого снега – романтика, весна); в-пятых, запах косметических средств и парфюма, связанных с конкретным человеком, которому человек симпатизирует (муж, друг и т.п.) [6, с. 48].

Так, своеобразно применяли душистые травы и курения коренные народы Америки, запахи служили «фотографиями»: древние индейцы в память о важных событиях своей жизни хранили сопутствующие этим событиям запахи в специальных футлярчиках из кости и нюхали их, когда хотели вспомнить желанное прошлое. Запах Родины М. Аджи ассоциирует с полыню – травой особенной, «в ней запах Родины» [7, с. 5]. Наши предки перед дальней дорогой вешали себе на шею кожаный мешочек с щепотью сухой полыни («ладанку для души») – на счастье, ведь для степняка не было роднее запаха, чем запах полыни, безмолвного зова Родины.

О значительной роли обоняния пишут М. Серр: «Обоняние ... претворяет знание в память, пространство – во время, а может быть, и вещи – в живые существа»; Ф. Искандер: «Почему так сильна над нами власть запахов? Почему воспоминание не может с такой силой расколыхнуть пережитое, как связанный с ним знакомый запах? Может, дело в его неповторимости, ведь запах нельзя вспоминать отдельно от него самого, так сказать, повторить воображением. И когда он повторяется натурально,

он с первозданной свежестью выхлестывает наружу все, что было связано с ним»; М.М. Пришвин: «Вдыхая аромат цветов, коры, прошлогодних листьев, всегда волнуешься чем-то близким к воспоминанию». Более того, отмечает М.Е. Салтыков-Щедрин, «есть очертания, звуки, запахи до того ласкающие, что человек покоряется им машинально, независимо от сознания. Он не анализирует ни ощущений своих, ни явлений, породивших эти ощущения, а просто живет, как очарованный, чувствуя, как в его организм льётся отрада». Человек способен не только различать, но и удерживать в памяти и прочно связывать с теми или иными событиями жизни огромное количество запахов. Согласно О. Вайнштейн, процесс обретения воспоминаний через запахи получил название «феномен Пруста» [8, с. 6 – 7]. Герой Пруста восстанавливает обонятельный пейзаж своего детства, к нему возвращаются запахи «разных времен года, но уже комнатные, домашние, смягчающие колючесть инея на окнах мягкостью теплого хлеба; запахи праздные и верные, как деревенские часы, рассеянные и собранные, беспечные и предусмотрительные, бельевые, утренние, благочестивые ... тонкий аромат тишины ... сухие ароматы буфета, комода, пёстрых обоев и сложный, липкий, приторный, непонятный, фруктовый запах вышитого цветами покрывала». К.А. Гельвеций приводит описание ароматов в качестве подтверждения обширности памяти: «вершины благоухающих лесов», в прикосновении аромат руки любимой «переходит» в руку другого человека [9, с. 32].

Немаловажным элементом в жизнеустройстве человека является акустическая среда. Особое значение имеют компоненты звукового воздействия, служащие для регуляции поведения и деятельности человека, а именно, такие акустические сигналы, которые позволяют вовремя среагировать на потенциальную опасность или предотвратить развитие нежелательных последствий (например, стон раненого, плач ребёнка и т.п.). Конкретные звуки укореняются в памяти как сигналы безопасности («звук членов семьи, бродящих по дому, после того, как я лёг в постель, давал мне ощущение безопасности» [10, с. 149], «когда я слышу звон церковных колоколов, он ... уносит меня прямо в те мгновения жизни, когда я была маленькой. ... когда вся семья была вместе. ... Этот звук дарит мне ощущение безопасности ...» [10, с. 149]), своеобразные маркеры комфорта, создающие эффект присутствия другого и помогающие переносить одиночество [10, с. 73].

Звуки, ассоциируемые с образом Родины, семьи занимают важное место в ценностной системе человека. Так Р.М. Шэфер, вводя понятие звукового ландшафта, относит к нему не только звуки, обусловленные географией и климатом, но и обладающие способностью наиболее глубоко и всеобъемлюще влиять на человеческое поведение, настроение, формировать характер людей и их культуру [11, с. 146]. В его концепции, звуковой ландшафт складывается в определённом социокультурном контексте, при этом звук понимается как носитель информации о той или иной эпохе или культуре. Звуковой ландшафт позволяет сохранить не только природные звуки, но и звуки механического и электроакустического происхождения, либо звуки, утратившие свою актуальность и не используемые или малоиспользуемые в современной культуре (например, звук колокола), либо появляющиеся благодаря развитию новых технологий (например, звук телефонного звонка). Концепция защиты звукового достояния, предложенная Р.М. Шэфером, основана на особой исторической перспективе, отсутствующей в обычных аудиозаписях: статистика введения телефонов, дверных звонков, популярной музыки, фотографии различных генераторов звука (например, паровоз), отчёты о шуме лесопильной компании, звука сирены маяка и пр., что позволяет воссоздать культурно-историческую эпоху в новом аспекте.

Таким образом, рассмотренные модальности чувственности – запах и звук – об-

ладают уникальной возможностью структурировать события, эмоциональные переживания прошлого, являются своеобразным культурным кодом.

Список литературы

1. Иванов Вяч.Вс. Заметки по исторической семиотике музыки // Музыка и звучание / Редколлегия: Вяч.Вс. Иванов, Е.В. Пермяков (отв. ред.), Т.В. Цивьян. – М.: Наука, 2000. С. 8–9.
2. Sacks O. The Man Who Mistook His Wife for a Hat. L., 1987.
3. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию – СПб.: Симпозиум, 2006.
4. Климова С.М. Эссенция и экзистенция любви; «дух» и «запах» («Sophia» Вл. Соловьева и «Парфюмер» П. Зюскинда) // Человек, № 4, 2002. С. 25.
5. Теория культуры / Под ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большаковой. – СПб.: Питер, 2010.
6. Заворохина Н.В., Чугунова О.В. Использование специфики механизма обоняния и ольфакторных ассоциаций покупателей в качестве инструмента сенсорного маркетинга // Известия УрГЭУ. № 1(27). 2010. С. 38–48.
7. Аджи М. Европа, тюрки, Великая Степь. – М.: Изд-во АСТ, 2004.
8. Вайнштейн О. Грамматика ароматов. // Ароматы и запахи в культуре. Кн. 1 / Сост. О.Б. Вайнштейн. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 6–7.
9. Костяев А.И. Ароматы и запахи в истории культуры: знаки и символы. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
10. Туп Д. Искусство звука, или навязчивая погода. – М.: АСТ: Адаптек, 2010.
11. Захарьин Д.Б. От звукового ландшафта к звуковому дизайну // Антропологический форум. 2009. № 11. С. 135–146.